

Н. Б. КОШКАРЕВА

ПРОПОЗИЦИЯ И МОДЕЛЬ (на примере предложений перемещения в уральских и тунгусо-маньчжурских языках Сибири)*

I. Предложение как единица языка и принципы описания его плана содержания

Одним из важнейших достижений лингвистики XX в. является, безусловно, представление о языке как системе знаков и разграничение единиц языка и речи, введенное Ф. де Соссюром. Однако в отечественной синтаксической науке все еще нет единого мнения о том, что является основной единицей синтаксиса и каковы ее дифференциальные признаки. Соответственно, до сих пор не выстроена целостная система синтаксических единиц как двусторонних знаков языка.

На протяжении второй половины XX в. постепенно происходит осознание того, что предложение может быть рассмотрено не только как единица речи, но и как единица языка. Практически одновременно появляются определения предложения, отражающие обе его ипостаси. В "Грамматике русского языка" (1954–1960 г.) В.В. Виноградов пишет: "Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица *речи* (выделено нами. – Н.К.), являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли" [1]. В строгом соответствии с этим определением классификация простых предложений проводится с точки зрения их речевых признаков, с учетом тех механизмов распространения и осложнения или, наоборот, упрощения, которые происходят с предложением в процессе его функционирования в речи.

Определение предложения как единицы языка в отечественном синтаксисе впервые появляется, очевидно, в работах А. И. Смирницкого: "...Предложения представляют собой основные единицы языкового материала, подлежащие лингвистическому изучению для извлечения из них единиц самого языка, для определения роли каждой из этих последних, для выяснения связей и взаимодействия между ними в процессе применения языка как важнейшего средства человеческого общения. <...> В предложениях мы находим известные формулы строения, которые являются определенными единицами языка – в отличие от предложений во всей их конкретности и цельности, – подобно тому, как единицами языка являются отдельные слова и фразеологические единицы, находимые в предложениях, – в отличие от конкретных сочетаний фразеологических единиц со словами" [2].

Спецификой основной единицы синтаксиса по сравнению с единицами других языковых ярусов (фонетики, лексики, морфологии) является наивысшая степень ее абстракции и связанные с этим трудности ее формального представления. Попытки формализовать представление предложения как единицы языка были предприняты в 70-х гг. XX в. Т.П. Ломтевым [3], Н.Ю. Шведовой [4], В.А. Белошапковой [5] и их последователями.

* Работа выполнена в рамках Программы РАН "Этнокультурное взаимодействие народов Евразии. Формирование лингвистического ландшафта Северной Азии: история развития и взаимодействия языков".

Многие работы М.И. Черемисиной [6], а также диссертации и исследования ее учеников [7] продолжают эту традицию отечественного языкознания и посвящены моделированию простого предложения как единицы языка, а также описанию системных связей между единицами синтаксического уровня. В работах М.И. Черемисиной обсуждаются такие актуальные проблемы современного синтаксиса, как критерии выделения основной единицы синтаксиса, ее дифференциальные признаки, системные отношения в сфере синтаксических единиц и т.д., которые в конечном итоге предполагают структурирование синтаксиса как яруса языка и выработку принципов его описания.

Основной единицей синтаксиса Майя Ивановна считает элементарное простое предложение (ЭПП), в состав которого входят предикат и его обязательные распространители: при акциональных глаголах – актанты, при пространственных глаголах – локализаторы, при именных предикатах – имена отношений; и др.

Планом содержания ЭПП является пропозиция – типовая обобщенная семантика предложения, его семантический инвариант, отражающий отношения между участниками ситуации. План выражения ЭПП отображается в виде структурной схемы – последовательности символов, обозначающих возможный способ морфологического выражения каждого компонента. Способом представления ЭПП как единицы языка Майя Ивановна считает модель, вершиной которой является предикат, предопределяющий состав и форму обязательных компонентов, а также отношения между ними.

Исследование ЭПП на материале разных языков Сибири поставило вопрос о соотношении плана выражения и плана содержания предложения, о соответствии модели предложения определенной пропозиции, а также о специфике отражения одной и той же пропозиции в разных языках.

В этой статье будет рассмотрена пропозиция перемещения и ее языковое воплощение в одном из уральских – хантыйском и двух тунгусо-маньчжурских (нанайском и эвенкийском) языках, а также проведены параллели с русским языком. Мы попытаемся показать, что представление о пропозиции неразрывно связано с ее языковой репрезентацией: очень трудно говорить о той или иной пропозиции вообще и ее месте среди других пропозиций в отвлечении от способа ее выражения. Понятие “пропозиция” имеет смысл только тогда, когда оно является планом содержания модели, а не абстрактным универсальным смыслом [8].

Универсальными до определенной степени являются типовые ситуации, принадлежащие денотативному уровню. Пропозиция, относящаяся к сигнификативному уровню, обладает языковой спецификой и тогда, когда она представляет ту или иную типовую ситуацию в том или ином ракурсе, и тогда, когда одна и та же типовая ситуация по-разному преломляется через призму конкретного языка.

1. Понятие “пропозиция”

В современной лингвистической литературе сложилось две тенденции в определении понятия “пропозиция”.

1) Определение через характеристику, интерпретацию *денотата*, которым является “событие”, “ситуация”, “положение дел” в мире. В соответствии с таким пониманием пропозиция трактуется: а) как номинация события или ситуации; в подобном определении подчеркивается номинативный аспект – факт приписывания имени; б) как модель названного предложением события; в этом случае акцент делается на структурировании ситуации, выявлении ее основных составляющих.

Подобное определение пропозиции без опоры на структуру предложения дает В.А. Белошапкова: пропозиция – это “модель называемого предложением “положения дел”, ... объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных смыслов и от той проекции, которую придает ему та или иная формальная организация предложения” [9]. В такой трактовке границы формального варьирования предложения не заданы, поэтому пропозиция оторвана от конкретного типа предложения и относится к денотативному уровню, репрезентируя класс однотипных ситуаций действительности. Не случайно поэтому для описания объективного содержания предложения В.А. Белошапкова пользуется и другим термином – “семантическая структура предложения”, под которой подразумевается “содержание предложения, представленное в обобщенном, типизированном виде с учетом тех элементов смысла, которые сообщает ему *форма предложения* (выделено нами. – Н.К.). <...> Семантические структуры ищутся в пределах предложений, оформленных по одной схеме”. Приведенные В.А. Белошапковой примеры иллюстрируют схемную семантику, которая, на наш взгляд, связана не с разграничением разных типов моделей, а с парадигматическим варьированием в пределах одной и той же модели, в частности, по категориям персональности: агентивность (определенное, неопределенное, обобщенное лицо) / дезагентивность, модальность и др.

2) Собственно *семантическое* определение пропозиции как плана содержания синтаксического знака. В таком понимании термин “пропозиция” синонимичен таким терминам, как “типовое значение”, “семантическое ядро” предложения. Под пропозицией понимают ту часть значения, которая передает само “положение дел” в мире (Е.Н. Ширяев); языковое воплощение некоего положения дел в действительности (Т.В. Шмелева); и др.

В настоящей статье мы будем употреблять термин “пропозиция” в том значении, который вкладывает в него Н.Д. Арутюнова: “Пропозиция – это семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций)” [10]. Как нам кажется, он наиболее близок нашему представлению о том, что пропозиция является планом содержания модели ЭПП, поскольку фиксирует признак единства парадигмы, сохранения отношений между компонентами модели и способов их выражения.

2. Пропозиция перемещения

В русистике пропозицию перемещения рассматривают как особую разновидность бытийно-пространственных пропозиций наряду с пропозициями движения, местонахождения и др. [11]. Она характеризуется следующим составом семантических ролей: предикат, субъект, объект, директив-старт (начальная точка перемещения), директив-финиш (конечная точка перемещения), трасса, инструмент (средство перемещения). В реальных фразах потенциально возможны все эти позиции, однако далеко не всегда они выражаются лексически. Ср.:

“кто – перемещает – кого – откуда”: Другой солдат, с ружьем под мышкой, вел из ворот (начальная точка перемещения – директив-старт) бледного мальчишку [Анатолий Кузнецов. Бабий яр (1965–1970). НКРЯ] [12];

“кто – перемещает – кого – откуда – куда”: Беспреданно бормоча что-то себе под нос, он вел меня из вагона (начальная точка перемещения – директив-старт) в вагон (конечная точка перемещения – директив-финиш) [Юрий Буйда. Щи на “Знамя”. – № 6, 2000. НКРЯ];

“кто – перемещает – кого – каким путем”: Нынешней ночью Андреев вел нас новой дорогой – не низом, а прямо по хребту снежного вала (трасса) [Варлам Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961). НКРЯ];

“кто – перемещает – кого – куда – каким путем”: И я вижу, как в камуфляжной куртке он ведет внуков через балку Звездного бульвара (трасса) туда, вверх, на Шереметьевскую (конечная точка перемещения – директив-финиш), где справа краснеет церковь Нечаянной радости [Галина Щербакова. Моление о Еве (2000). НКРЯ];

“кто – перемещает – кого – куда – откуда”: Но что удивительно – в Магаданскую область (конечная точка перемещения – директив-финиш) запланировано вести овцебыков с Таймыра, а не с острова Врангеля (начальная точка перемещения – директив-старт), что в три раза дешевле и ближе [Сипко Тарас, Груздев Александр, Ротт Наталия. Мороз овцебыку не страшен. На севере страны появились новые домашние животные // Известия. 2003.02.20. НКРЯ];

“кого – перемещают – куда”: Вот Гулю и Чижэ уже вели в вокзальное отделение (конечная точка перемещения – директив-финиш) [Петр Алешковский. Жизнеописание Хорька (1990–1993). НКРЯ]; и т.д.

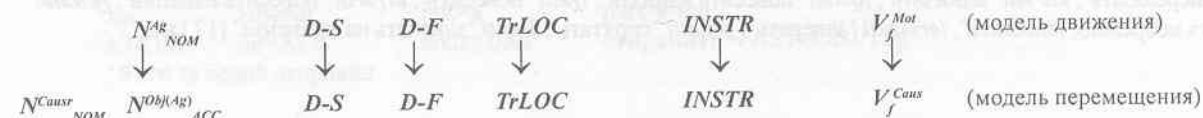
Т.В. Шмелева сближает пропозицию перемещения с пропозицией движения на основании общего набора ролей локализаторов [13] (ср.: кто – перемещается – куда – откуда – по какой трассе – при помощи транспортного средства).

Другого мнения придерживается М.М. Булынина, которая, вслед за Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой [14], вычленяет концепт “агнс перемещает объект” из более широкого синтаксического концепта “агнс воздействует на объект” [15], сближая пропозицию перемещения с акциональными пропозициями на основе наличия общей позиции объекта и игнорируя наличие набора локализаторов.

Для нас наличие набора локализаторов является системно наиболее важным признаком, который позволяет относить пропозицию перемещения к классу бытийно-пространственных. Вхождение в состав пропозиции объекта перемещения указывает на каузативный характер данной пропозиции: объект совершает движение не самостоятельно, а под воздействием субъекта-каузатора. Таким образом, семантически в пропозиции представлено два субъекта: субъект несамостоятельного движения и субъект-каузатор. Базисной является пропозиция движения, каузированного внешней по отношению к движущемуся субъекту силой. Смысл каузации движения налагается на него и носит дополнительный характер.

{кто-то делает так, чтобы [кто-то / что-то перемещался откуда-то куда-то по определенной трассе при помощи транспортного средства]}	Осложнение каузацией Уровень ядерных ЭПП
---	---

В семантической структуре предложений перемещения происходит наложение семантических ролей друг на друга: объект перемещения одновременно является субъектом каузированного действия. Таким образом, в состав предложений перемещения входит два субъекта: субъект – каузатор перемещения и субъект каузированного действия, который по отношению к субъекту-каузатору является объектом перемещения.

II. Предложения перемещения в языках Сибири и образуемые ими модели

Типовая ситуация перемещения в разных языках выражается различными способами: каждый язык грамматизирует разнообразные аспекты этой ситуации по-своему, в свойственных только ему ракурсах. Поскольку понятие модели неразрывно связано с представлением о единстве формального выражения его компонентов, между типовой ситуацией перемещения, относящейся к денотативному уровню, пропозицией, относящейся к сигнификативному уровню, и моделью как двусторонней единицей языка полного соответствия нет. Одна и та же типовая ситуация в разных языках отражается по-разному. “Наполнение” моделей также различно, а вместе с ним варьирует и понятие пропозиции.

Ситуация перемещения может реализовываться в разных сферах: физической, психической, интеллектуальной и социальной. Однако разные языки по-разному грамматизируют ситуацию перемещения в этих сферах, актуализируя наиболее важные для каждого конкретного языка параметры.

Покажем это на примерах некоторых языков Сибири.

1. Предложения перемещения в хантыйском языке

В хантыйском языке можно говорить о существовании самостоятельной модели перемещения, которая описывает типовую ситуацию перемещения в физической, интеллектуальной, социальной и других сферах. Она выделяется на основании структурного тождества и обобщенного значения перемещения в широком смысле слова. В основе предложений перемещения лежит гипермодель

$$N^s_{NOM} \quad N^{ob}_{NOM/ACC} \quad D-F_{DAT/Postp/Adv} \quad D-S_{Postp/Adv} \quad INSTR_{LOC} \quad TR-LOC_{Postp} \quad V_f,$$

в которой позицию объекта занимает имя существительное в именительном или личном местоимении в винительном падеже; позицию директива-финиша – имя существительное в дательном-направительном падеже или имя в сочетании с послелогом, а также наречие; позицию директива-финиша и транслокатива – послеложное сочетание или наречия, позицию инструмента – имя в форме местно-творительного падежа.

В этой статье мы будем рассматривать модель адлокативного перемещения [16]

$$N^s_{NOM} \quad N^{ob}_{NOM/ACC} \quad D-F_{DAT/Postp/Adv} \quad V_f,$$

которая описывает перемещение объекта в конечную точку, преимущественно один из ее структурных вариантов, в котором позицию директива-финиша занимает имя в форме дательного-направительного падежа.

Модель адлокативного перемещения в хантыйском языке представлена рядом семантических вариантов, выделяемых на основе комплекса признаков:

- лексико-семантическая группа глагола-сказуемого;
- специфика объекта перемещения – материальный или идеальный (информация);
- специфика директива-финиша – имя, обозначающее географическое пространство, или имя, называющее одушевленное лицо.

Сфера, в которой осуществляется перемещение, – физическая, социальная или интеллектуальная, – нерелевантна и не препятствует объединению предложений разнообразной семантики в одну модель, единство которой поддерживается структурным тождеством. В этом состоит яркая отличительная особенность хантыйского языка по сравнению с другими языками, которые будут рассмотрены в данной статье.

1.1. Семантические варианты модели адлокативного перемещения в хантыйском языке

1. Перемещение в физической сфере, при котором позицию директива-финиша занимают имена, указывающие на пространственные ориентиры. В позиции объекта могут стоять одушевленные и неодушевленные имена существительные. В качестве предикатов выступают такие глаголы перемещения, как *jirti* ‘привязать’, *xqšti* ‘упаковав перевязать’, *kāratti* ‘нанизать’, *iqštati* ‘повесить нанизав’, *ixatti* ‘повесить’, *tāxartti* ‘повесить нацепив’, *xōšanti* ‘надеть небрежно, натянуть’, *jernəlti* ‘запереть’, *xāñatti* ‘спрятать’, *lqmti* ‘закопать на хранение’ [17] и др.:

Ši ɣōšap ma wɔnši nowa iɣətsem.

ši	ɣōšap=Ø	ma	wɔnši	nōw=a	iɣət=s=em
этот	короб=	я.NOM	сосна	ветка=	повесить=
‘Эту коробку я на ветку сосны повесил.’					

In ikiɬal lūw i ɱel weja kārətɬəle.

in	iki=ɬal	lūw	i	ɱel	weja=a	kārət=s=ɛle
тогда	мужчина=	он	один	стрела	наконечник=	нанизать=
‘Он этих мужчин на одну стрелу нанизал.’						

2. Перемещение в социальной сфере, которое предполагает, что его конечной точкой является одушевленное лицо. Перемещаемый объект также может быть либо одушевленным, либо неодушевленным. В этом семантическом варианте функционируют такие глаголы, как *māti* ‘дать’, *kaɬləptəti* ‘вручить’, *jūkanti* ‘дать в собственность’, *rōkəptəti* ‘давать’, *mɔɬləti* ‘дарить’, *tiniti* ‘продавать’, *sārəɬəti* ‘давать навязывая’ и др.:

Nāɣ mānem lajəm mija.

nāɣ	mān=em	laɣəm=Ø	mij=a
ты.NOM	я=	топор=	дать=
‘Ты мне топор дай.’			

Lūw apəlneɣəl ikija mälɬe.

lūw	apəlneɣ=ɛɬ=Ø	ikij=a	mā=ɬ=ɛ
он.NOM	младшая сестра=	мужчина=	дать=
‘Он младшую сестру замуж отдает.’			

3. Перемещение в интеллектуальной сфере, при котором перемещаемым объектом является информация, а конечной точкой перемещения – одушевленное лицо. В качестве предикатов используются глаголы *pōtərti* ‘говорить’, *lōrti* ‘сказать’, *alɬi* ‘обещать’, *ɱwətti* ‘крикнуть’ и др.:

Ma in werem ikema pōtərtsem.

ma	in	wer=em=Ø	ik=em=a	pōtərt=s=em
я.NOM	этот	дело=	муж=	рассказать=
‘Я это дело мужу рассказала.’				

Nijem mānem neməɬti ən lōpəs.

nij=em=Ø	mān=em	neməɬti=Ø	ən	lōp=es=Ø
сестра=	я=	ничто=	не	сказать=
‘Сестра мне ничего не сказала.’				

4. Перемещение как “передача” результата действия. Данный семантический вариант структурно объединяется со всеми предыдущими вариантами на основе метафорического переосмысления перемещения в социальной сфере как передачи результата действия, совершенного агенсом, другому лицу – бенефицианту.

Ma ikema jiləp mil ɬəɬem.

ma	ik=em=a	jiləp	mil=Ø	ɬəɬ=ɬ=em
я.NOM	муж=	новый	шапка=	покупать=
‘Я куплю мужу новую шапку.’				

5. В рамках данной структурной схемы возможен и каузативный вариант, в котором используются разнообразные каузативные глаголы:

а) глаголы речевой каузации:

Ma lūwat jinka partsem.

ma	lūw=at	jink=a	part=s=em
я.NOM	он=	вода=	отправить=
‘Я его за водой отправил.’			

б) перемещение:

Ikem nañ tałta lapkaja tel.

ik=em=∅	ñañ=∅	tałta	lapkaj=a	te=λ=∅
муж=POSS/1Sg=NOM	хлеб=NOM	отсюда	магазин=DAT	повезти=Pr=SUBJ/3Sg

‘Мой муж отсюда (директив старт) в магазин (директив-финиш) хлеб повезет.’

Таким образом, различные семантические варианты объединяются в одной модели благодаря инвариантному значению каузации различных видов деятельности: от перемещения в пространстве до “перемещения” результата или намерения говорящего заставить другое лицо совершить то или иное действие.

Несмотря на то, что данную модель можно было бы назвать моделью “каузации различных видов действия”, хантыйский язык структурирует эту ситуацию как пространственную. Соответственно данная модель относится к блоку бытийно-пространственных и является моделью адлокативного перемещения. Ее прямым значением является выражение одного из первичных языковых смыслов – пространственного, от которого в результате грамматической метафоры образуются переносные значения – “передача материального объекта” как производное от перемещения в социальной сфере, “передача идеального объекта – информации” как производное от физического перемещения в интеллектуальной сфере, “передача” результата действия или намерения совершить действие от субъекта-каузатора к субъекту (объекту) каузируемого действия.

Придавая самостоятельный статус модели перемещения, мы отмечаем ее периферийный характер: она не относится к числу ядерных моделей ЭПП, а входит в состав моделей “второго яруса”, так как план ее содержания осложнен дополнительным каузативным смыслом.

2. Предложения перемещения в тунгусо-маньчжурских языках

Предложения перемещения в эвенкийском и нанайском языках встраиваются в иную систему оппозиций по сравнению с хантыйским.

Во-первых, структурные схемы, по которым строятся предложения перемещения в этих языках, не допускают широкого семантического варьирования и описывают типовую ситуацию перемещения только в физической сфере.

Во-вторых, способ выражения каждого из локализаторов и в нанайском, и в эвенкийском языках, варьирует значительно шире, чем в хантыйском. Например, позиция директива-финиша, помимо наречия или послеложного сочетания, может быть выражена одним из динамических падежей (местным, направительным, местно-направительным).

В-третьих, предложения со значением передачи материального объекта в социальной сфере и предложения передачи идеального объекта в интеллектуальной сфере строятся каждое по собственной структурной схеме. Таким образом, для нанайского и эвенкийского языков можно говорить о существовании самостоятельных моделей и, соответственно, двух разных пропозиций передачи.

2.1. Грамматикализация каузативного значения перемещения в эвенкийском языке

В эвенкийском языке [18] типовая ситуация перемещения в физической сфере передается теми же средствами, что и типовая ситуация движения: наряду с типичными для модели движения локализаторами в этих предложениях употребляются глаголы движения, принимающие каузативный аффикс $=v(y)$, например, *суру*= v ‘уносить’ от *суру*= ‘идти, уходить’; *эмэ*= v ‘приносить’ от *эмэ*= ‘приходить’; *һэнэ*= v ‘отвозить’ от *һэнэ*= ‘идти’ и т. п. Ср.:

а) движение:

Дюганиду оро р мэртын дюлдула эмэтки [19].

дюгани=ду	оро=р=∅	мэ=р=∅=тын	дю=л=дула	эмэ=пки=л
лето=DAT	олень=Pl=NOM	сам=Pl=NOM=POSS/3Pl	чум=Pl=LOC	прийти=PART=Pl

‘Летом олени сами к чумам приходят.’

б) перемещение:

Пастухил самцисалдули оро ро эмэупкил.

пастухи=л=Ø самци=сал=дула оро=р=о эмэ=ву=пки=л
пастух=PI=NOM дымокур=PI=LOC олень=PI=ACC IND прийти=CAUS=PART=PI
'Пастухи к дымокурам оленей приводят.'

Предложения перемещения, таким образом, можно рассматривать как частный случай модели движения – ее каузативный вариант, так как значение перемещения грамматикализовано: для его выражения широко используются глаголы движения с каузативными аффиксами. Из всех рассматриваемых нами в данной статье языков эвенкийский наиболее четко демонстрирует грамматическую производность предложений перемещения от предложений движения.

В связи с этим встают вопросы: формируют ли предложения перемещения в эвенкийском языке особую модель или их можно рассматривать как частный случай модели движения – ее каузативный вариант? Является ли критерием разграничения моделей движения и перемещения наличие в составе модели второго актанта – объекта перемещения? Является ли лексическое тождество глаголов-предикатов достаточным основанием для объединения предложений движения и перемещения в рамках одной модели?

Очевидно, для эвенкийского языка модель перемещения как самостоятельную выделить можно, поскольку, кроме каузативных глаголов движения, для выражения значения перемещения употребляются и собственно глаголы перемещения – самостоятельные лексические единицы, например, такие глаголы, как *уцнэ* = 'посылать', *усэн* = 'бросать', *ноду* = 'разбрасывать, подбрасывать', *дагунчу* = 'переправлять', *дюгу* = 'тащить', *тасиси* = 'подготавливать', *гасчи* = 'выгаскивать', *уцку* = 'высыпать', *ана* = 'столкнуть' и др.:

[*Умукэнди цалэти нуңан дявучассадячан хэркиви*], *гетви нодудячан угиски турукэвэ* [20].

ге=т=ви ноду=дя=ча=н угиски турукэ=вэ
другой=INST=POSS/Sg подбрасывать=IMPF=PAST=3Sg вверх соль=ACC
'[Одной рукой он пытался удерживать свои штаны], другой подбрасывал вверх соль.'

2.2. Варьирование грамматического выражения локализаторов

Каждая из позиций локализаторов в тунгусо-маньчжурских языках допускает широкое варьирование. Если в хантыйском языке выбор формы директива-старта осуществляется между наречием, формой дательного падежа или послелогом направительной семантики, то в эвенкийском и нанайском способы выражения позиции директива-старта разнообразнее.

Так, директив-старт может оформляться одним из динамических падежей, указывающим на перемещение по направлению к конечной точке. Кроме наречий и послеложных сочетаний, в этой позиции возможен выбор между двумя падежами в нанайском (направительный и местный) и тремя в эвенкийском (направительный, местный, местно-направительный) [21]. Приведем примеры из нанайского языка [22]:

а) директив-финиш в форме направительного падежа:

Əlčisəl Xəgə zo:kčini iraχač'i [23].

əlči=səl xəgə=Ø zo:g=či=ni ira=χa=či
слуга=PI лягушка=NOM дом=LAT=POSS/3Sg принести=PP=3PI
'Слуги принесли лягушку в дом.'

б) директив-финиш в форме местного падежа:

Ənəmiə, ənəmiə... mapawa ba:χa", pərułi gidəlxani [24].

ənə=mi=ə mapə=wa ba:χa"=Ø pəru=lə=i gidəla=χa=ni
идти=CV/SIM/Sg медведь=ACC встретить=PP=3Sg брюки=LOC=POSS/refl засунуть=PP=3Sg
'Шел, шел, встретил медведя и засунул его себе в штаны.'

2.3. Грамматические способы выражения типового значения передачи материального объекта в социальной сфере

В предложениях передачи материального объекта в социальной сфере от одного одушевленного лица другому в тунгусо-маньчжурских языках позиция реципиента – лица, получающего тот или иной предмет, – выра-

жается формой дательного падежа, который, в отличие от хантыйского языка, имеет не динамическое, а статическое значение и выражает отношения местонахождения:

нанайский язык:

Mindu bu:risi piktəsi xaydu? [25]

min=du	bu:=ri=si	piktə=Ø=si	xay=du
я=DAT	дать=PrP=2Sg	ребенок=NOM=POSS/2Sg	что=DAT

‘Где твой ребенок, которого ты отдашь мне?’

эвенкийский язык:

Bejumnindu pektyrewun bu:ren [26].

bejumnin=du	pektyre=wu=n	bu:=re=n
охотник=DAT	ружье=ACC=POSS/3Sg	дать=PAST=3Sg

‘Он дал охотнику ружье.’

Таким образом, предложения со значением передачи материального объекта в социальной сфере формируют самостоятельную модель, системно связанную с предложениями обладания, в которых обладатель также выражается именем в форме дательного падежа. Ср.:

нанайский язык:

Nbandoani čirim golbo bijəm [27].

nban=doa=ni	čiri=m	golbo=Ø	bi=j=əm
он=DAT=POSS/3Sg	бронзовый=QUAL	лодка=NOM	быть=PrP=QUOT

‘[Он говорит, что] у него есть бронзовая лодка.’

эвенкийский язык:

Kuŋakardu aja kačikan bisin [28]

kuŋaka=r=du	aja	kači=kan=Ø	bi=si=n
ребенок=Pl=DAT	хороший	собака=DIM=NOM	быть=PrP=3Sg

‘У детей хорошая собачка.’

Как видим, в тунгусо-маньчжурских языках ситуация передачи материального объекта грамматически интерпретируется как статическая ситуация местонахождения / обладания: использование дательного падежа акцентирует не процесс перемещения в пространстве, как в хантыйском, а результат этого процесса – тот факт, что объект оказывается в распоряжении реципиента.

2.3. Грамматические способы выражения типового значения передачи идеального объекта (информации) в интеллектуальной сфере

Пропозицию передачи идеального объекта (информации) в интеллектуальной сфере в тунгусо-маньчжурских языках можно считать отдельным типом пропозиции, так как для ее выражения используется особая конструкция, в которой адресат – получатель информации выражается формой направительного падежа, например:

нанайский язык:

Təu mærgənčī unzi:[...] [29].

təu	mærgən=čī	un=zi=Ø
этот	мерген=LAT	сказать=PrP=3Sg

‘(Она) сказала этому мергену: [...].’

эвенкийский язык:

Girkitkivi tarawe gukel [30]

girki=tki=vi	tara=we	gu=kel
товарищ=LAT=POSS/refl	это=ACC	рассказать=IMP/2Sg

‘Расскажи это своему товарищу.’

Термин "пропозиция", если употреблять его для обозначения плана содержания синтаксического знака – модели элементарного простого предложения, наполняется разным смыслом применительно к каждому конкретному языку в зависимости от специфики конкретных моделей. Мы стремились показать, что универсальной пропозиции перемещения, единой для многих языков, не существует. В разных языках значение перемещения конкретизируется и преломляется по-своему.

Так, в хантыйском языке перемещение материального объекта в физической сфере является исходным значением, на его основе развиваются разнообразные производные значения каузации действия: грамматически перемещение выражается точно так же, как и другие каузативные значения, и не отделяется от значения передачи в социальной и интеллектуальной сферах. Таким образом, для хантыйского языка противопоставление типовых значений перемещения и передачи лишено грамматического смысла, так как этот язык "нечувствителен" к таким признакам, как сфера, в которой происходит перемещение, и тип конечной точки перемещения. Небольшое количество падежей в системе хантыйского склонения позволяет экономно "упаковывать" разные смыслы в рамках одной и той же конструкции, актуализируя тем самым общность и отправную точку грамматических метафор.

Иначе обстоит дело в тунгусо-маньчжурских языках, в которых особые модели грамматикализуют в качестве самостоятельных три отдельные пропозиции: перемещения в физической сфере; передачи материального объекта в социальной сфере и передачи идеального объекта (информации) в интеллектуальной сфере. При этом пропозиция передачи материального объекта в социальной сфере смыкается с пропозицией местонахождения / обладания. Богатая система склонения позволяет за каждым элементарным смыслом закрепить собственное средство выражения, выбирая в качестве системообразующих признаков три параметра: и сферу осуществления действия, и тип перемещаемого объекта (материальный / идеальный), и характер конечной точки перемещения (географическое пространство / одушевленное лицо). Все это делает данные языки не столь богатыми грамматическими метафорами, как хантыйский.

Промежуточное положение между этими двумя полюсами занимает русский язык, в котором грамматически противопоставляются друг другу два типа конструкций. С одной стороны, это предложения перемещения, которые относятся к бытийно-пространственному блоку. Директив-финиш выражается в них либо наречиями, либо разнообразными предложно-падежными формами: *положить что-то сюда / туда / под стол / на стол / за стол / около стола / рядом со столом / к столу / в стол* и т.д. С другой стороны, это предложения с пропозицией передачи, которую Т.В. Шмелева помещает в блок акциональных пропозиций, опираясь, очевидно, на формальный способ выражения третьего актанта – реципиента в предложениях передачи материального объекта и адресата в предложениях передачи идеального объекта (информации) формой дательного беспредложного падежа: *передал книгу другу, рассказал историю другу*.

Таким образом, в русском языке противопоставлены друг другу две пропозиции – перемещения и передачи. Последняя не расчленяется на разновидности, как в тунгусо-маньчжурских языках. Тем самым для русского языка релевантным является только один признак – характер конечной точки: в пропозиции перемещения это географическое пространство, а в пропозиции передачи – одушевленное лицо.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ACC – винительный падеж; ACC IND – винительный неопределенный падеж; ADJ – прилагательное; ADV – наречие; Ag – агенс; CAUS – каузативный аффикс; Causr – каузатор действия; CV/SIM – деепричастие одновременного действия; DAT – дательный падеж; D-F – директив-финиш; DIM – уменьшительно-ласкательный суффикс; D-S – директив-страт; IMP – повелительное наклонение; IMPF – несовершенный вид; INST – творительный падеж; LAT – направительный падеж; LOC – местный / местно-творительный падеж; N – имя существительное или его эквивалент; NOM – именительный падеж; Obj – объект; OBJ – объектное спряжение; PART – причастие; PAST – прошедшее время; Pl – множественное число; POSS – лично-притяжательный аффикс; Postp – послелог; Pr – настоящее время; PrP – причастие настоящего времени; PP – причастие прошедшего времени; QUAL – аффикс прилагательных, образованных от существительных со значением материала; QUAT – кватативная частица; refl – рефлексивный показатель; S – субъект; Sg – единственное число; SUBJ – субъектное спряжение; TrLOC – транс-локатив; V_f – финитный глагол; V_f^{Caus} – каузативный глагол; V_f^{Mot} – глагол движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика русского языка: В 2-х т. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. II, ч. I. – С. 65.
2. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М., 1957. – С. 35.
3. Ломтев Т.П. Принципы построения формулы предложения // Филологические науки. – № 5. – С. 56–68; и другие работы.
4. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.
5. Белошапкова В.А. Минимальные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. – 1978. – № 5. – С. 55–59; Она же. Расширенные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. – 1979. – № 5. – С. 63–68; и другие работы.
6. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Парадигматика и деривация моделей предложения // Синтаксические структуры в номинативном и деривационном аспектах: Областная научная конференция "Проблемы деривации и номинации в русском языке" Тезисы докладов. – Омск, 1988. – С. 34–37; Черемисина М.И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 3–18; Она

- же. О системности в сфере моделей предложения // *Строение предложения в языках разных систем.* – Новосибирск, 1992; *Она же.* О структурно-семантических типах простого предложения в тюркских языках Южной Сибири // *Языки, духовная культура и будущее народов Арктики.* – Якутск, 1993. – С. 11–12; *Она же.* О моделировании простых предложений // *Актуальные проблемы филологии: Тезисы.* – Усть-Каменогорск, 1993. – Вып. 1. – С. 64–65; Черемисина М.И., Колосова Т.А. О структурной модели и семантике предложения // *Вопросы грамматики и лексикологии в историческом и синхронном освещении.* – Новосибирск: Изд-во ПГУ, 1994. – С. 107–119; Черемисина М.И. О системности в сфере моделей предложения (на материале языков Сибири) // *Языки коренных народов Сибири.* – Новосибирск, 1995. – Вып. 1. – С. 3–21; *Она же.* Исследование предложения в языках Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири.* – Новосибирск, 1995. – № 4. – С. 63–68; Черемисина М.И., Скрибник Е.К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири.* – 1996. – № 4. – С. 46–57; Серээдар Н.Ч., Черемисина М.И., Скрибник Е.К. Структурно-семантическая организация предложений, локализация, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. – Новосибирск, 1996; Черемисина М.И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири.* – 1997. – № 4. – С. 56–61; *Она же.* Языковая “картина мира” в ее отношении к моделям элементарных простых предложений // *Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Сб. тез. науч. конф., посв. 35-летию гуманитарного факультета НГУ.* – Новосибирск, 1997. – С. 219–222; Черемисина М.И., Колосова Т.А. К проблеме моделирования предложений наличия / отсутствия в русском языке // *Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах.* – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 3–9; Черемисина М.И. Модель (гипер-модель) описания действия {N=1 N=4 (N=7) Vtr} // *Языки коренных народов Сибири.* – Новосибирск, 1998. – Вып. 4. – С. 35–60; *Она же.* Структура и типология именных предложений // *Гуманитарные науки в Сибири.* – 1998. – № 4. – С. 96–104; *Она же.* Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // *Языки коренных народов Сибири.* – Новосибирск, 1998. – Вып. 4. – С. 3–30; *Она же.* Парадигма элементарного простого предложения как единицы // *Языки коренных народов Сибири.* – Новосибирск, 2003. – Вып. 11. – С. 3–29.
7. Тыбыкова А.Т. Структурно-семантическая характеристика простого предложения в алтайском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. – Горно-Алтайск, 1989; Невская И.А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. – Новосибирск, 1997; Соловар В.Н. Структурно-семантические типы простого предложения казымского диалекта хантыйского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1991; Телякова В.М. Простое предложение в шорском языке в сопоставлении с русским: Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1994; Серээдар Н.Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1995; Чугункова А.Н. Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения (на материале хакасского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1998; Байжанова Н.Р. Базовая структурная схема ЭПП N=1 Vt в алтайском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1999; Принципы моделирования структуры и семантики предложения. – Новосибирск, 2004.
8. Ср. с мнением М. В. Всеволодовой: “Пропозиция определяется по отношению к конкретному предложению” (Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – С. 126).
9. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 775.
10. Арутюнова Н.Д. Пропозиция // *Лингвистический энциклопедический словарь.* – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 401.
11. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Курс лекций. – Красноярск, 1988; Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: Изд-во МГУ, 2000; Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж, 1999.
12. Примеры подобраны с использованием ресурсов “Национального корпуса русского языка”. Они сопровождаются пометой “НКРЯ”.
13. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Курс лекций. – Красноярск, 1988.
14. Попова З.Д., Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж, 1999. – С. 103–109.
15. Бульникова М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004. – С. 3.
16. О терминологии описания локативных конструкций см.: Невская И.А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. – Новосибирск, 1997.
17. Глаголы, функционирующие в модели перемещения, выявлены В. Н. Соловар.
18. Примеры из эвенкийского языка приводятся по работе: Самойлова Е.Г. Бытийно-пространственные модели элементарного простого предложения в эвенкийском языке // *Языки коренных народов Сибири.* – Новосибирск, 2002. – С. 67–114.
19. Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. – М.: Л.: Наука, 1966. – С. 236.
20. Немтушкин А. Чипичал, мучудавер... – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1987. – С. 10.
21. Подробнее о вариантах заполнения каждой позиции и о вариативности в сфере бытийно-пространственных моделей см.: Самойлова Е.Г. Бытийно-пространственные модели элементарного простого предложения в эвенкийском языке // *Языки коренных народов Сибири.* – Новосибирск, 2002. – С. 67–114; Koshkaryova N., Gerasimova A. Case marking strategies in spatial relations: Uralic vs. Tungus-Manchurian languages // *Researches on Endangered Altaic Languages.* – Seoul National University, 2004, Sept. 8–11. – P. 259–293.
22. Нанайские примеры подобраны и прогlossированы А.Н. Герасимовой.
23. Нанайский фольклор. Нингман, сиюхор, тэлунгу. – Новосибирск, 1996. – С. 70.
24. Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. – Л., 1981. – С. 79.
25. Нанайский фольклор. Нингман, сиюхор, тэлунгу. – Новосибирск, 1996. – С. 94.
26. Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. – Л., 1979. – С. 50.
27. В. А. Аврорин. Материалы по нанайскому языку и фольклору. – Л., 1981. – С. 38.
28. Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. – Л., 1979. – С. 50.
29. Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. – Л., 1981. – С. 39.
30. Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. – Л., 1979. – С. 51.